

– Запереть ворота!

Едва этот приказ сорвался с губ Вэй Тинсюй, как тайные стражи безмолвными тенями скользнули вон из покоев. Массивные двери спальни с глухим стуком затворились, оставив внутри лишь Чжэнь Вэньцзюнь, Линби и Сяохуа.

– Избавьтесь... от трупа Ли Цзюя. Так, чтобы не осталось ни малейшего следа, – Вэй Тинсюй простояла на ногах ещё несколько мгновений, после чего силы окончательно покинули её конечности, а поясницу прошила острая, ноющая боль, и удерживать равновесие самостоятельно ей было уже не под силу. Чжэнь Вэньцзюнь молниеносно подкатила кресло и, бережно поддерживая Вэй Тинсюй за талию, помогла ей сесть. Наклонившись к самому её уху, она тихо прошептала:

– Поручи тело Ли Цзюя мне, сестрица. Бу Цзе совсем недавно изобрёл особый алхимический состав хуашишуй, способный растворить мёртвую плоть до состояния обычной жижи. После этого никто и никогда во вселенной не сумеет отыскать его останки.

Вэй Тинсюй согласно кивнула:

– Полагаюсь на тебя, сестрица. Сяохуа, Линби, немедленно стяните со всех убитых гвардейцев Хубэнь их форменные доспехи. Облачите оставшиеся трупы в одежды чунцзиньских лазутчиков. Объявите, что на Сына Неба было совершено дерзкое покушение, а заговорщиков казните на плахе. Их отрубленные головы вывесите на всеобщее обозрение посреди центрального рынка уезда Цзе.

– Слушаемся! – в один голос отозвались Линби и Сяохуа.

Чжэнь Вэньцзюнь изначально полагала, что, едва лишив Ли Цзюя жизни, Вэй Тинсюй тотчас же громогласно объявит о его кончине на всю Поднебесную, чтобы молниеносным штурмом возвести Ли Яньи на драконий трон и тем самым раз и навсегда отсечь любые пути к отступлению для врагов. Ведь стоило принцессе официально принять бразды правления, как она тут же пожаловала бы Вэй Цзинъаню титул великого генерала, полностью аннулировав военную власть великого маршала Се Фучэня и до основания сокрушив всю его фракцию. Однако Вэй Тинсюй, всегда славившаяся своими беспощадными и стремительными методами расправы, после убийства самого императора проявила абсолютное, леденящее хладнокровие и ювелирный контроль над общей расстановкой сил.

Для Вэй Тинсюй гибель Ли Цзюя, пожалуй, стала предрешённым фактом ещё в тот самый день, когда он, ослеплённый глупой гордыней, упрямо настоял на своём личном участии в северном походе. В её глазах он уже давно был не более чем ходячим мертвецом, чьё тело обладало лишь определённой практической ценностью, и единственное, что требовалось, так это заставить его испустить последний вздох максимально тихо и незаметно для окружающих.

То, что во время тяжелейшей осады Мэнляна личная армия Вэй вовсе не спешила на помощь, а нанесла сокрушительный удар лишь в тот момент, когда вождь Хаэрцы пошёл на штурм уезда

Цзе, отнюдь не было счастливой случайностью. Чжэнь Вэньцзюнь теперь со всей серьёзностью препарировала в уме каждый тактический ход Вэй Тинсуй, прекрасно понимая, что любое её действие преследовало жёсткую, далеко идущую цель и не могло быть спонтанным капризом. И уж тем более это касалось ювелирно выбранного момента для снятия блокады с уезда Цзе.

Вероятно, едва до Вэй Тинсуй донеслись вести, что Ли Цзюй трусливо бросил передовую и укрылся в уезде Цзе, чтобы переждать пожар войны в тылу, она сразу просчитала, что вождь Хаэрцы неизбежно попытается совершить глубокий ночной рейд, обойти крепость с фланга и взять императора живьём. В сущности, на месте кочевников так поступил бы любой военачальник, обладающий хоть каплей военного опыта. Ли Цзюй одним своим присутствием превратился в сияющую мишень, по которой враг просто не мог не ударить.

Каким бы укреплённым ни был уезд Цзе, он оставался небольшим городком. Любая попытка штурмовать его требовала от кочевников масштабного переброса элитных конных масс, что неизбежно вело к дроблению и ослаблению основных сил Чунцзиня под Мэнляном. Внезапное появление свежей армии Вэй для снятия блокады тыла позволяло со стопроцентной гарантией подчистую вырезать весь штурмовой отряд врага, а Вэй Цзинъань, пользуясь паникой, мог на их плечах ворваться обратно к Мэнляну и покрыть своё имя бессмертной славой триумфатора. Стоило же второму молодому господину Вэй выдвинуть полки на Мэнлян, как сердце А-Синь неизбежно должно было дрогнуть. Она страстно желала вернуть захваченную вождём цитадель, и, даже предвидя скрытую угрозу для жизни Ли Цзюя со стороны фракции Вэй, её тактические помыслы неминуемо оказались бы расколоты надвое.

Натура А-Синь вовсе не была сложной или загадочной. Чжэнь Вэньцзюнь провела с ней бок о бок всего несколько месяцев, но уже успела досконально изучить её характер, пристрастия и скрытые мотивы, и что уж говорить о гениальной Вэй Тинсуй, знавшей её годами. А-Синь по своей природе была рождена для войны. Безусловно, защита жизни императора оставалась для неё священным долгом, ведь пока правитель был жив, её семья Се обладала незыблемым легитимным фундаментом, позволяющим им всегда оставаться в статусе защитников престола, и этой основой она дорожила больше всего на свете.

И всё же, ради уникального шанса вырвать Мэнлян из рук врага и лично снести голову верховному вождю кочевников, А-Синь с высочайшей долей вероятности должна была покинуть уезд Цзе и ринуться в бой, оставив Ли Цзюя позади. Она прекрасно знала, насколько коварна и опасна эта прикованная к креслу барышня Вэй, а потому заблаговременно оставила в уезде часть своей верной личной гвардии, которую вдобавок усиливали отряды Хубэнь. А-Синь уверенно полагала, что калеке из Жунина придётся трижды взвесить свои силы, прежде чем решиться на открытое преступление под такой охраной. А главное - А-Синь была свято уверена, что Вэй Тинсуй слишком умна, чтобы совершить глупость. Пока орда варваров не отброшена окончательно, Ли Цзюй обязан жить. Ведь если под ударами дикарей рухнет всё гнездо, то ни одной птице не удастся сберечь свои яйца целыми, и тотальное падение Великой Юй не принесло бы семье Вэй абсолютно никакой выгоды.

Именно поэтому А-Синь была убеждена, что даже если Ли Яньи и метит в самое сердце центральной власти, желая гибели Ли Цзюя на фронте, она по крайней мере не станет лишать его жизни в столь переломный, критический для страны момент.

Так рассудил бы любой нормальный человек. И Вэй Тинсюй действительно позволила бы событиям идти своим чередом, она дала бы армии Великой Юй спокойно и надёжно отбросить варваров обратно в степи.

Вот только между обеспечением покоя для воюющих солдат и ликвидацией Ли Цзюя не было абсолютно никакого противоречия.

Стоило А-Синь покинуть уезд Цзе, как элитный отряд гвардии Хубэнь превратился для Вэй Тинсюй в тонкую, хрупкую бумагу на окне. Ей достаточно было лишь протянуть руку и проткнуть её в любой момент, чтобы забрать сокрытое внутри «оружие».

Разумеется, в Жунине перед отправкой на северные рубежи Вэй Тинсюй не просто праздно высаживала цветы во внутреннем дворике. Всё это время она через Сяохуа за баснословное золото нанимала в криминальном мире вольных мастеров клинка и бродячих воинов-юэся, круглосуточно тренируя своих тайных стражей, чтобы довести их боевые навыки до абсолюта, до способности в одиночку вырезать десятерых элитных бойцов врага.

Изначально гвардия Хубэнь в Запретном городе действительно состояла из лучших воинов, отобранных один на десять тысяч. Однако за долгие годы непрекращающихся внутренних распрей и внешних войн больше половины великих мастеров ушли на покой или погибли, а значительная часть оставшихся сил тайно перетекла в личную охрану Ли Яньи. Подле Ли Цзюя в массе остались лишь бездарные и малопригодные исполнители. Да что говорить, если сам командир Хубэнь, Ся Цзин, ещё год назад был всего лишь мелким, незначительным стражником на патрулировании столичных улиц. Ли Цзюй нарушил все правила и продвинул его по службе исключительно из-за того, что в его фракции попросту не осталось преданных людей.

Пока А-Синь не было рядом с Ли Цзюем для присмотра, Вэй Тинсюй могла нанести удар в любую секунду.

И не прояви император свою трусливую, завистливую натуру, не замышляй он гнусное покушение на её второго старшего брата Вэй Цзинъаня, то, возможно, Вэй Тинсюй действительно даровала бы ему ещё немного времени на этом свете.

Ли Цзюй во всём до мельчайших крупин походил на покойного императора. В его жилах безошибочно текла порочная, параноидальная кровь рода Ли.

А-Синь ушла, Вэй Тинсюй мгновенно затянула стальные сети заговора, и император эры Шэньчу испустил последний вздох. Однако для подданных и армии Великой Юй он по-прежнему останется «живым», и отныне его имя превратится в исключительно удобное, послушное оружие в тонких пальцах Вэй Тинсюй.

Тем временем на севере вождь Хаэрцы на протяжении нескольких месяцев восстанавливал силы в округе Цюйхуа. Пользуясь коротким северным летом, он досыта откормил коней, укрепил боевой дух воинов и сумел собрать под своим началом отряды ещё трёх крупных племён Ху. Более того, он склонил к союзу три малых кочевых клана, что издавна промышляли набегами и кочевали в долинах Суйчуаня и Дунчуня.

Идти войной на Великую Юй с других направлений было делом безнадёжным: во-первых, путь преграждали неприступные горные хребты и глубокие ущелья, во-вторых, линия фронта растянулась бы слишком сильно, лишая армию снабжения. Куда разумнее было использовать уже захваченные и превращённые в базы округа Цюйхуа, Минша и Синьют. Стянув туда всю ударную мощь, следовало концентрированным ударом сокрушить Мэнлян, пустить под нож засевшего за стенами Вэй Цзиньаня, после чего сам император Великой Юй достался бы им без лишних усилий.

Хаэрцы и до этого пользовался непререкаемым авторитетом среди северных варваров. В этот раз он лично объехал все кочевья, нанося визиты верховным вождям и старейшинам родов, выказывая предельную искренность и уважение. Он принёс им священную клятву: в тот день, когда его орда выбьет ворота столицы Жуниин, он без колебаний отдаст ровно половину из сорока восьми богатых округов империи Великой Юй в вечное владение союзным племенам.

Эти шесть малых кланов Ху по отдельности представляли собой ничтожную силу, и даже собравшись вместе, они уступали по численности одному лишь племени Чунцзинь. Прежде они крутились у границ Великой Юй исключительно ради мелкой наживы, надеясь под шумок урвать кусок добычи, пока империя и Чунцзинь режут друг друга. О том, чтобы собственными силами захватить и удержать обширные китайские земли, они не смели даже мечтать в самых дерзких снах.

Теперь же их шакальные интересы оказались намертво связаны с мощью Чунцзиня. Большинство из них и так подспудно искали покровительства вождя, а когда Хаэрцы столь щедро пообещал разделить с ними половину Поднебесной, они без секундных колебаний согласились присягнуть ему. Лишь два оставшихся крошечных племени поначалу колебались, здраво рассуждая: «Лучше быть головой цыплёнка, чем хвостом коровы»¹. Они прекрасно понимали, что стоит им согласиться на слияние, и в будущем им уже никогда не вырваться из-под железной деспотичной власти Хаэрцы. Однако, видя, что остальные четыре клана уже приняли условия хана, они осознали: прояви они упрямство сейчас, и Хаэрцы сотрёт их с лица земли без малейших усилий.

¹(先為首,後為尾) – знаменитая конфуцианская идиома, зафиксированная в исторических хрониках «Ши цзи» Сыма Цяня. Является полным аналогом латинского «Лучше быть первым в провинции, чем вторым в Риме».

Таким образом, вождь Хаэрцы с лёгкостью, не пролив ни единой капли крови своих воинов, увеличил мощь своей армии ровно вдвое. Он принял решение дожидаться прихода лютых зимних морозов, чтобы обрушиться со всей яростью на изнеженных жителей Центральных равнин, когда те от холода будут прятать руки в рукава и не смогут даже поднять оружия, и обратить их в паническое бегство.

Хаэрцы бросил взгляд на своё запястье, шрам на котором до сих пор ныл и отзывался тупой болью, и отчётливо восстановил в памяти лицо того самого безудержного китайского генерала, что лишил жизни его сыновей.

Вождь жаждал кровной мести. Он поклялся собственноручно искромсать этого заносчивого воина Великой Юй на куски!

Зима десятого года Шэньчу выдалась неописуемо суровой. Даже Ли Яньи, находившаяся на юге в Жунине, своими глазами застала несколько мощных буранов. Лютый мороз и яростный ветер сковали ледяным панцирем все речные артерии, из-за чего план по скорейшей и массовой доставке военных припасов на северный фронт водными путями полностью сорвался.

И им надлежало немедленно искать иные пути.

Когда Ли Яньи получила секретное послание от Вэй Тинсюй и узнала, что Ли Цзюй испустил дух, в её сердце не зародилось ни капли облегчения или ликования. Она прекрасно понимала, что со смертью Ли Цзюя на неё лавиной обрушатся куда более грандиозные потрясения. Ей требовалось сконцентрировать всю свою волю до предела и сохранять предельную бдительность, ведь малейшая халатность была подобна смерти.

Она находилась на самом решающем рубеже, всего в одном шаге от осуществления своих великих имперских амбиций.

Но именно сейчас, когда она готовилась сделать этот шаг, бесчисленные волки и хищные звери старой фракции должны были пойти на отчаянный, предсмертный рывок, чтобы в финальной схватке навязать ей смертный бой и попытаться разбить корыто её планов. Допусти она хоть малейшую оплошность, и все многолетние труды обратятся в прах, а от неё самой не останется даже костей.

Первейшей и важнейшей задачей для неё сейчас стало оказание тотальной, беспрекословной поддержки министру Вэй Луню в проведении его радикальной государственной реформы. Ей требовалось подчинить себе и сконцентрировать в своих руках все финансовые ресурсы Поднебесной, чтобы направить их на нужды войны.

Она помнила из истории, как в своё время древнее царство Цинь, ютившееся на далёких, диких северо-западных рубежах, куда более глухих и отрезанных от мира, нежели нынешние долины Суйчуаня, умудрилось сокрушить всех соперников и объединить Поднебесную под своей властью. Одной из ключевых причин того триумфа стало то, что великий советник императора превратил весь государственный аппарат в единый, ювелирно заточенный под ведение тотальной войны стальной клинок. Всё богатство, выжатое из каждой крестьянской семьи, до последней монеты шло на нужды армии. И пусть впоследствии череда роковых ошибок привела к тому, что империя Цинь рухнула уже при втором правителе, Ли Яньи свято верила, что именно контроль над финансовыми потоками предрекает судьбу любого государства.

Вэй Лунь настоял на резком увеличении земельного налога, введении жёсткой подати, а также убедил Ли Яньи открыть официальную, массовую продажу государственных титулов и придворных рангов. Это позволяло максимально эффективно вытряхнуть все скрытые закрома, золото и зерно у богатейших знатных кланов и могущественных торговых домов. При этом придворные титулы оставались лишь красивой ширмой и символом статуса: они не давали покупателям ни реальной административной власти, ни права командовать солдатами. Всё, что они получали - это право владеть наделами и небольшое послабление по налогам для будущих поколений, так что опасаться их влияния не стоило.

Ли Яньи без промедления запустила реформы Вэй Луня, скрепив их указами от имени «живого» Ли Цзюя. Командующий Се Фучэнь вместе со сборищем престарелых консервативных сановников попытался было составить коллективный протест, да только, когда свитки были написаны, они в растерянности осознали, что им попросту некому их вручить. Канцелярия Шаншутай стояла абсолютно пустой, а от Сына Неба исходили лишь сухие письменные приказы, самого же правителя никто не видел в глаза. Ли Яньи уже открыто вела себя как полноправная владыка империи: она лично мерила шагами пространство перед алтарём в главном тронном зале Тайцзи во время утренних аудиенций, ведя государственные споры с министрами. Единственное отличие от законного правителя заключалось лишь в том, что она пока не рисковала садиться на сам драконий трон.

Се Фучэнь и ещё сорок два его верных соратника из числа высших сановников с того дня больше ни разу не переступали порог дворца и бойкотировали утренние собрания. Ли Яньи было на это абсолютно наплевать. То, что Се Фучэнь не являлся на совет, было ей лишь на руку. Она с Вэй Лунем получили возможность куда быстрее аккумулировать и выжимать ресурсы из провинций, расширяя производство оружия и военных повозок, чтобы незамедлительно гнать караваны снабжения на передовую.

В глубине души Се Фучэнь уже твёрдо знал, что Ли Цзюй мёртв.

Он принял решение немедленно выдвигаться в поместье принца Хуайань-вана. Он не смел больше оставлять действующую императрицу и новорождённого наследного принца внутри дворцовых покоев Запретного города. Все слуги и вооружённая охрана дома Се были стянуты к воротам, чтобы сопровождать и оберегать повозку с императорскими особами.

- Сыма Се... То, что мы в такой час трусливо бежим из Жунина не развяжет руки Ли Яньи ещё сильнее? - укутывая младенца-принца, который без умолку истошно плакал от непрерывной тряски экипажа, со страхом и обидой в голосе спросила императрица Лю-хоу.

- Если мы не уйдём прямо сейчас, боюсь, в будущем нам уже никогда не выбраться из столицы,
- сухо отрезал Се Фучэнь, и от его леденящего тона Лю-хоу едва смела дышать.

- А как же... как же Сын Неба? - со слезами на глазах пролепетала она. Ей до безумия хотелось увидеть мужа. С тех пор, как больше года назад император провёл в её покоях всего несколько

ночей, подарив дитя, она больше ни разу не видела его лица. Повелитель империи, который должен был стать её единственной защитой и опорой до конца дней, бесследно сгинул на бескрайних северных рубежах. Сегодня её и завернутого в пелёнки младенца-принца силой тянет к себе одна фракция, завтра толкает в спину другая. Ей казалось, что абсолютно каждый человек во вселенной мечтает погубить их. И вот теперь им нельзя даже оставаться в родном дворце. Этот едва знакомый старик, маршал Се, силой усадил её в повозку и везёт напрямик в резиденцию Хуайань-вана. А ведь Ли Сун - родной брат императора, и подобный тайный побег к принцу нарушал все священные законы престолонаследия, являясь верхом государственной измены!

Она всем сердцем не желала ехать, но выбирать ей не приходилось, ведь никто не собирался слушать её «нет».

Хотя Лю-хоу и носила титул императрицы, на деле у неё не было и капли власти. Сейчас она и маленький наследный принц походили на обычную несчастную мать с ребёнком, в панике спасающихся бегством посреди полыхающей войны.

- Сын Неба... - Се Фучэнь лишь бросил короткий взгляд на небосвод и замолчал.

От этого его жеста лицо Лю-хоу стало белым как полотно:

- Неужели император уже...

Се Фучэнь глухо отозвался:

- Теперь защитить вас и наследного принца, пожалуй, под силу одному лишь Хуайань-вану.

Тем временем Чжансунь Яо вместе со своим братом Чжансунь У отправились на южные рубежи для набора рекрутов, и их поездка увенчалась огромным успехом.

Юг искусно славился многолетними обильными урожаями, однако прошлогодний сокрушительный буран и наводнение в один миг стёрли с лица земли все богатые угодья и жилые дома в провинции Суду, оставив без крова бесчисленное множество людей.

И это бедствие сыграло на руку Чжансунь Яо.

Для беженцев зачисление в армейские списки означало не просто получение твёрдого военного жалованья - это был уникальный, редкий шанс выбиться в люди и продвинуться по службе. Чжансунь Яо набрал в Суду двадцать шесть тысяч свежих солдат. На обратном пути его полки столкнулись лицом к лицу с отрядами повстанцев из «Армии Жёлтой Земли». При умелом содействии Чжансунь У они сумели взять в плен живьём более шести тысяч

мятежников, которых тут же без церемоний зачислили в армейские ряды.

Совместное массивное нашествие семи великих варварских племён Ху висело над страной топором, не позволяя терять ни единой секунды. Однако, даже если сложить всех новобранцев с израненными остатками разбитых частей на северном фронте, общая численность готовых к бою войск Великой Юй едва дотягивала до пятидесяти тысяч. Благодаря радикальной реформе Вэй Луня по продаже государственных титулов и придворных рангов, караваны с провиантом, стрелами и латами были в кратчайшие сроки доставлены на север. Оружия и доспехов на фронт пригнали так много, что их некому было раздавать, а боевых клинков в лагере оказалось куда больше, чем самих солдат.

Катастрофическая нехватка живой силы, малочисленность полков и отсутствие опытных, проверенных генералов заставляло признать, что Великая Юй вряд ли сумеет сдержать грядущий, отчаянный натиск объединённой орды Чунцзинь.

Ли Яньи поделилась своими глубокими тревогами с Вэй Тинсуй, которая неотлучно координировала дела в Мэнляне. В ответном секретном послании советница сообщила ей весть, от которой голова принцессы заныла ещё сильнее.

На свете не существует стен, способных удержать ветер, и тайны всегда выходят наружу. Неизвестно чей шпион или лазутчик умудрился пустить в рядах воюющей армии слух о том, что Ли Цзюй давно мёртв. Вэй Тинсуй подозревала, что эту уловку применили лазутчики кочевников, чтобы перед главным сражением напрочь дезориентировать и посеять панику среди солдат Великой Юй. В лагере началось дезертирство, и люди капля за каплей принялись бежать с позиций. Вэй Тинсуй приказала отлавливать беглецов и карать их по всей строгости законов военного времени. Однако из-за казней дезертиров в Мэнляне вспыхнула новая волна недовольства. Дело было в том, что ни она сама, ни её брат Вэй Цзинъань не имели абсолютно никаких законных прав предавать кого-либо суду военного трибунала, ведь ни один из них не обладал официальным государственным чином или генеральским титулом. Единственным человеком в Мэнляне, кто имел законное право карать по уставу, оставался новоиспечённый генерал Аньюань Го Сяо. А Го Сяо, как известно, был верным псом и правой рукой А-Синь. И хотя А-Синь ради спасения родины согласилась временно наступить на горло вражде, когда дело доходило до перераспределения реальных властных полномочий, она не собиралась уступать ни на шаг. Разумеется, Го Сяо не стал бы потакать интересам дома Вэй и не позволил бы им укрепить свой личный авторитет среди солдат.

Поэтому, хоть Мэнлян формально и удерживался силами Вэй, в действительности реальное веское слово в делах армии по-прежнему оставалось за семьёй Се.

Столкнувшись с этой дилеммой, Ли Яньи мгновенно нащупала гениальный выход. Перед ней открылся блестящий тактический шанс!

Поскольку священная императорская печать находилась в её руках, а «живой труп» Ли Цзюя больше не мог возразить, Ли Яньи состряпала подложный императорский указ и экстренно отправила его в Мэнлян. Этим указом Вэй Тинсуй официально жаловали высокий пост губернатора Мэнляна, а её брата Вэй Цзинъаня провозглашали великим генералом Чжэньбэй,

усмиряющим север.

Этот шаг в одно мгновение до основания потряс всю столичную элиту и чиновничий аппарат. Даже без вмешательства сына Се Фучэня десятки нейтральных сановников и интеллектуалов лавиной направили свои протестные петиции в покои Вдовствующей Императрицы. Они умоляли Гэн-тайхо и «Сына Неба» немедленно отозвать этот безумный указ назад, заявляя, что наделение женщины официальной властью и государственным чином верх святотатства, ломающий священные законы природы, оскверняющий вековые устои морали и являющийся тягчайшим преступлением против предков и императорского храма!

Вдовствующая Императрица Гэн плотно заперла двери своих покоев и отказывалась принимать хоть одного жалобщика. Тогда разгневанные министры опустились на колени прямо на каменные плиты перед её дворцом и провели там всю ночь напролёт, истощно воя и стеная точно стая диких псов, чем до смерти утомили Вдовствующую Императрицу Гэн. Разумеется, она во всём поддерживала свою дочь Ли Яньи, однако даже она в душе посчитала, что принцесса проявила излишнюю поспешность. Наделить женщину официальным чином, да к тому же дать ей в руки реальное право командовать боевыми полками было грубейшим, вопиющим нарушением всех сакральных табу династии Великой Юй.

Впрочем, для Ли Яньи этот подложный указ был не более чем тонкой бумажкой. Она лишь желала на практике прощупать консервативных стариков из министерств и измерить, насколько глубоко в их умах укоренилось неприятие женщин на государственной службе. И по их сегодняшней ярости безошибочно вычислить, с каким сопротивлением она столкнётся в тот день, когда объявит себя полновластной женщиной-императором.

Судя по сегодняшнему вою у ворот, мне теперь предельно ясно, как именно эти ничтожества встретят день Моего восхождения на престол, - хладнокровно резюмировала Ли Яньи. По большому счету, её главная задача была выполнена: титул великого генерала для Вэй Цзинъаня остался в силе, что позволило ему юридически подмять под себя Го Сяо, а указ о назначении Вэй Тинсюй губернатором можно было со спокойной душой отозвать назад, потому что на нынешнюю расстановку фигур на доске это уже никак не влияло. Однако Ли Яньи сделала из этой истории ещё один важный вывод. Она взяла чистый лист бумаги и собственноручно составила потайной смертный список. Чёрным по белому она внесла туда имена абсолютно каждого министра и сановника, кто этой ночью посмел прийти к дверям её матери с протестной петицией. Список был составлен безупречно, имя за именем, без единого пропуска.

В тот самый день, когда я официально взойду на императорский престол, все вы отправитесь прямиком в Девять источников вслед за своим покойным Ли Цзюем, - хладнокровно подумала Ли Яньи.

Назначение Вэй Цзинъаня генералом стало величайшим триумфом для его семьи. За последние десять лет он стал уже вторым военачальником высшего ранга, вышедшим из дома Вэй. Получив законный государственный чин, он смог официально реорганизовать и включить все свои личные полки в общий армейский реестр. А-Синь, чтобы избежать неизбежной в таких условиях лобовой грызни за власть и верховное командование, приняла волевое решение полностью снять с позиций подчинявшиеся клану личные гвардейские отряды и увела их

обратно в тыл, в уезд Цзе.

– Госпожа... Письмо от командующего Се... Вы ведь соизволили прочесть его? – видя, что она наотрез отказывается возвращаться в безопасный Жунин, не удержался от напоминания Го Сяо.

А-Синь продолжала молча и сосредоточенно точить свой длинный меч, полностью проигнорировав его вопрос.

В том послании отец открыто писал ей, что сегодня в столице волки и шакалы перегородили все дороги, Ли Яньи вот-вот пойдёт на открытый мятеж ради захвата драконьего трона, и оставаться на северных рубежах для А-Синь смертельно опасно: её в любой момент могут ликвидировать наёмные убийцы. Се Фучэнь также весьма деликатно напоминал дочери, что пусть в прошлом её и Ли Яньи связывали узы глубоких чувств, принцесса ни за что не пощадит её в этой игре. Но даже если сама Ли Яньи на секунду проявит минутную слабость, Вэй Тинсюй никогда этого не сделает. От этой калеки из Жунина пощады не будет, этого человека невозможно просчитать и удержать.

А-Синь отправила Се Фучэню короткий и жёсткий ответ: все узы и долг справедливости между ней и Ли Яньи разорваны навсегда, и возвращаться к этой теме больше не стоит. Победитель становится королём, а проигравший никем, так чего ради ей трусливо дрожать? «Если кто-то спит и видит, как бы пустить мне кровь, то пускай приходит и попробует. Я, А-Синь из семьи Се, буду насмерть стоять на северных заставах Великой Юй и не отступлю ни на шаг ни перед какими угрозами во вселенной».

Никому в лагере не под силу было сломить её непреклонную решимость остаться на передовой и держать глухую оборону, ведь А-Синь как никто другой осознавала колоссальную важность грядущей сечи.

Согласно вестям, которые умышленно распускал сам вождь Хаэрцы, он уже крепко сжимал в кулаке трёхсот тысячную армию объединённого войска и готовился лавиной хлынуть на юг. В этот раз он поклялся устроить в Мэнляне тотальный геноцид, стереть Великую Юй в порошок, а Вэй Цзинъяню велел «заблаговременно вымыть шею и ждать своей лютой кончины». Вэй Цзинъянь ради пополнения рядов проводил массовую мобилизацию, забирая в строй абсолютно всех, у кого «были руки на месте», вплоть до двенадцатилетних мальчишек, и даже со всеми новобранцами общая численность его полков едва дотягивала до шестидесяти тысяч штыков. Противники превосходили их числом многократно. Когда у него в палатке напрямую спросили, страшно ли ему перед лицом такой орды, он, пожалуй, обязан был умом испытывать тревогу, но в сердце его не было ни капли страха.

В своё время он начинал этот путь самым простым, безвестным воином на полях сражений, успев накопить колоссальный боевой опыт, а в последующие годы глубоко затаился под маской мелкого инспектора в ведомстве. Он был одновременно и прожжённым, выдавшим виды старым солдатом, и дерзким, молодым военачальником. Он знать не знал, в какие моменты устав велит испытывать ужас и поворачивать коней обратно, он ведал лишь одно: прямо за его спиной лежат беззащитные, истерзанные войной родные рубежи Великой Юй, а в тылу

укрываются беспомощные женщины и дети его страны. Если уж он, генерал Вэй, поддастся страху, то кто тогда щитом встанет на защиту этих безвинных душ?

Вместо долгих приготовлений он состряпал и отправил вождю официальный боевой вызов, доставив его прямо в Чунцзинь.

Текст записки гласил: «В следующий раз, как сойдёмся в бою, я отправлю тебя на небеса нянчить твоих покойных сыновей!»

Хаэрцы от такой неслыханной дерзости пришёл в неопишемую, бешеную ярость. Из его шатра мгновенно вылетел верховный приказ: всей коалиции завершить сборы, подтянуть обозы и ровно через пятнадцать дней выступить всеобщим карательным штурмом на Мэнлянь!

Великое сражение неумолимо приближалось, и на кон в этой битве была поставлена судьба всей Великой Юй. Последние, ничтожные и крошечные резервы живой силы со всех провинций империи до последней роты сгонялись на северную линию фронта. Пользуясь тем, что внутренние рубежи оголены, повстанцы из «Армии Жёлтой Земли» внутри страны обнаглели до предела и вовсю жгли уезды. Ли Яньи вынуждена была временно закрыть на них глаза и игнорировать бунты, призывая местные ополчения и торговые гильдии вести с мятежниками манёвренные изнуряющие бои на местах.

Между тем пропитанные бешеной злобой железные копыта объединённой орды варваров уже гремели, приближаясь с севера. Ли Яньи во главе высших сановников и министров совершила восхождение на вершину священной горы Ванцзюнь, чтобы провести торжественное ритуальное жертвоприношение Небу, Земле и духам предков правящей династии. Она молила богов Поднебесной и священных праотцов явить милость и даровать Великой Юй силы пережить это великое бедствие.

Стоя на самом пике Жунина, Ли Яньи устремила взор далеко на север, и её сердце сжалось от невыносимой, тягучей тоски.

Ей казалось, будто сквозь сотни ли морозного воздуха она уже физически слышит этот оглушительный, сотрясающий землю грохот чунцзиньской конницы, топчущей её родину.

Над Великой Юй нависла смертельная угроза пресечения династического древа и гибели всей цитадели. Если армия на передовой дрогнет и не сдержит удар, то всё то море мирных огней, что сейчас ласково светится в долинах у подножия горы в домах простых людей, в один миг превратится в пепелище и будет уничтожено навсегда.

Цзылянь, Цзычжо, Вэньцзюнь, а также... А-Синь... - мысленно шептала принцесса, глядя в туманную даль фронта. - Вы обязаны выжить. Вернитесь ко мне живыми.

Перед самым началом сражения в рядах защитников Мэнляня продолжали упорно циркулировать слухи о том, что Сын Неба давно испустил дух. Более того, эти слухи прямо

клеями Вэй Тинсюй, родную младшую сестру великого генерала, умиряющего север, как главную виновницу царевубийства. Сердца воинов, которым и без того предстояло сражаться в абсолютном меньшинстве против несметной орды, были переполнены сомнениями и паникой. Зловещее предчувствие скорой гибели империи витало над лагерем, что крайне пагубно сказывалось на боеспособности полков.

Но именно в этот критический миг Ли Цзюй явился миру.

Окружённый плотным кольцом отборных гвардейцев Хубэнь, Ли Цзюй величественно встал на вершине только что восстановленной оборонительной стены Мэнляна. Его парадный драконий халат с широкими, летящими рукавами колыхался на ветру, уподобляя императора сошедшему с небес божеству. Один его громогласный, властный выкрик, и все три армии у подножия стен как один человек синхронно пали ниц на колени.

После яростной, вдохновенной и исполненной величия речи Ли Цзюя боевой дух войск взлетел до небес, войны в едином порыве поклялись сойтись с варварами в смертельной схватке, чтобы защитить свои дома и спасти родину.

Укрывшиеся в глубокой тени Чжэнь Вэньцзюнь и Вэй Тинсюй непрерывно наблюдали за происходящим внизу. Видя, что ни одна живая душа в многотысячной толпе не заподозрила подвоха и солдаты со слезами экстаза поклоняются человеку на стене как истинному Сыну Неба, заговорщицы испытывали одновременно и глубокое торжество, и едва сдерживаемое веселье.

– Сестрица, на «Журавлином тракте» всё уже подготовлено к встрече? – негромко спросила Вэй Тинсюй.

Журавлиный тракт являлся единственной проходимой дорогой, ведущей из трёх северных округов напрямик к Мэнляну. Как бы вождь Хаэрцы ни выстраивал свои полки, большая часть его огромного трёхсот тысячного войска была обязана двигаться именно по этой узкой колее.

– Будь спокойна, сестрица! Мы с Бу Цзе и А-Си обустроили там всё до последнего узла, ловушки полностью готовы!

– Отлично. Что ж, посмотрим теперь, с какой отчаянной готовностью чунцзиньские орды будут одна за другой лететь навстречу собственной гибели.

Чжэнь Вэньцзюнь уже давно горела нетерпением и рвалась в бой, желая увидеть варваров в деле, чтобы на практике проверить сокрушительную мощь того гигантского капкана, что они возвели на тракте. Если их расчёты окажутся верны, это позволит в один миг радикально сократить численность наступающего войска врага. И тогда, когда великий генерал, умиряющий север, двинет в бой основные полки, сокрушить ослабленного неприятеля будет делом нескольких часов.

На рассвете над бескрайними снегами боевой рог издал гул, призывая войска к выступлению. Чжэнь Вэньцзюнь облачилась в прочную кольчугу и добротные походные сапоги, ради которых Вэй Тинсюй проделала огромный путь из Жунина, чтобы доставить ей лично. Длинные чёрные волосы девушки были высоко стянуты на затылке, придавая её облику сходство со статным, исполненным боевой энергии молодым драконом. В руках она по-прежнему сжимала то самое, некогда покрытое ржавчиной длинное копьё. Теперь его стальное остриё было вычищено и наточено до зеркального блеска. Оно испускало холодные слепящие лучи, а у эфеса красовался свежий ярко-алый шёлковый султан. Оружие ни в чём не уступало лучшим боевым клинкам, только что пригнанным с тыловых складов на северный фронт. Чжэнь Вэньцзюнь верила, что это древнее копьё связано с её судьбой невидимой нитью и обязательно принесёт ей удачу, а потому ни на миг не расставалась с ним, бережно храня в каждом походе.

Линби и Сяохуа в боевые списки включены не были и оставались в тылу: подле слабой телом Вэй Тинсюй ежесекундно должен был находиться верный и надёжный присмотр. На плечи же самой Чжэнь Вэньцзюнь легла куда более суровая и важная миссия.

Линби поднялась на ноги с первыми петухами, чтобы лично сварить для неё чашу наваристой похлёбки с клёцками. Зная пристрастия подруги, она щедро положила в бульон два толстых, сочных куса свинины и обильно приправила суп жгучим сычуаньским перцем, отчего Чжэнь Вэньцзюнь уплетала угощение с превеликим аппетитом, обливаясь потом от приятной остроты.

– Почему у меня каждый раз такое чувство, будто я вечно провожаю тебя в какой-то далёкий путь? То туда тебя несёт, то сюда, и каждый раз ты оказываешься на волосок от неминуемой смерти... – принимая у неё пустую посуду, с глубокой тоской и меланхолией в голосе выдохнула Линби. – Скажи мне, когда наконец наступит тот благословенный день, когда мы сможем просто спокойно сидеть рядышком, пить прохладный чай, ловить лицом свежий речной ветерок и вообще ничего не делать... точно так же, как в былые дни в Нанья?

Чжэнь Вэньцзюнь прекрасно понимала, что Линби всей душой сострадает ей и тревожится за её жизнь, но ей очень не хотелось, чтобы минуты перед боем окрасились в мрачные, неловкие тона:

– Как в Нанья? Остынь, сестрица Линби! В Нанья я крутилась как белка в колесе с утра до ночи, это ты там вечно бездельничала!

Линби от такой дерзости лишь потеряла дар речи:

– ...

– Да и вообще, если абсолютно каждый человек в Поднебесной начнёт грезить лишь о покое, то кто тогда встанет со щитом на защиту рубежей Великой Юй и сбережёт жизни мирных людей? Кто защитит наших любимых сестёр?

– Всё, что ты говоришь, я и сама прекрасно понимаю.

– Я обязательно вернусь целой и невредимой. Погляди на меня: сколько раз я уходила в самое пекло, и разве был хоть один случай, чтобы я не нашла дорогу обратно? – Чжэнь Вэньцзюнь с сухим свистом эффектно крутанула в воздухе своё длинное копье, являя взору Линби безупречную, гордую осанку истинного воина. – Вот покрою себя славой, одержу триумф, и мы вместе вернёмся в столицу!

<http://bllate.org/book/17227/1744310>